

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

ЗАПАДНЯ ДЛЯ “АННА НЬЮС”*

РАССКАЗ

“...двадцать девятого сентября в районе населенного пункта Красный Партизан Донецкой области в результате проведенной СБУ и нацгвардией спецоперации была ликвидирована группа российского спецназа, залегендированная под журналистов фронтового агентства “АННА НЬЮС...”

(Сообщение официального сайта СБУ, размещенное в 1 час 27 минут 1.10.2014)

Последние дни сентября прошлого года на Донбассе выдались, по обычаю, сухими. Лето ещё борется с подступающей осенью свежими утренниками, но уже всё чаще изморозь серебристой проседью выбеливает землю. Цветная поблёкшая трава, так и не отряхнувшая придорожную пыль, уныло скукожилась.

Мы возвращались обратно на базу, обходя Донецк с юго-востока. Впереди до самого Луганска две сотни вёрст разбитой вдрыз дороги, местами

* Отрывок из повести “В Луганске солнечно, местами “град”; печатается с сокращениями.

БЕРЕЖНОЙ Сергей Александрович, родился в 1955 году в Воронежской области. Служил в Советской армии, органах МВД. Окончил Воронежский госуниверситет и Академию МВД СССР. Секретарь Союза писателей России. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Пограничник”, “Звонница” и др., автор семи книг прозы.

теснимой былками сухого подсолнечника на необруанных полях. Высушенные до черноты шляпки поникли, словно обречённые на заклятие — прошло лето, а их так и не убрали. И не уберут ни этой осенью, ни зимой, ни даже весной, и поля, густо засеянные минами, так и останутся паровать.

Ближе к Торезу асфальт с щебёночными проплешинами запетлял среди вплотную подступающих лесопосадок — бурелом почище таёжного, а потом и вовсе занырял по пересечёнке, то скатываясь вниз, то карабкаясь вверх.

— Стилль плавания дельфином. Разновидность баттерфляя, — делится своими познаниями Серёга, с завидным постоянством сначала тараня макушкой крышу бронированного “форд-транзита”, а потом резко приземляясь на “пятую точку”.

— Ты лучше палец со спускового сними, пловец, — ворчит Ведун. — А то до берега не доплывём и будет нам полный крантец в этом катафалке.

Мне эта железяка тоже не по нутру, даром что новая: если шандархнут бандерлоги с “граница”¹ и положат нашего Боливара на бок, то будем героически превращаться в уголёк. А то, что сначала будут бить именно в нашу машину, а уж потом в сопровождение — факт непреложный: и по габаритам мишень что надо, и по значимости — раз в “бронике”, значит начальство. Тьфу-тьфу, не сглазить бы, беду не накликать. Никто не мандражирует, но усталость и напряжение сказываются, поэтому поддерживаю Ведуну:

— Ты с “веслом”² аккуратнее, неровен час, нажмёшь случайно и всех покрошишь в капусту.

Серёга обиженно сопит, но палец со спуска всё-таки убирает. Зря мы со своими советами лезем: Серёгу же ведь сам выбирал, он спец и с пальцами уж как-нибудь сам разберётся.

Ведун — это позывной Игоря, нашего опекуна. Говорит он редко, всё больше молча слушает, внимательно ощупывая взглядом. Вообще в этом батальоне они все лешие — и комбат, Лёша Павлов, Леший-1, и его зам по разведке и ещё по каким-то делам, Сергей Иванович, Леший-2, и даже лихо крутящий баранку Жёка — все себе на уме, неподимые, и какие мысли вороачуются в их голове — одному Господу ведомо.

Ведун, конечно, уникум: бросил свой бизнес в столице, сказав жене, что едет рыбачить на Волгу, а сам подался на Донбасс. В первый же день его с тремя добровольцами и одной эргэдэшкой³ на всех, как были в джинсах, футболках и кроссовках, засунули на окраину степного посёлка держать оборону и благополучно забыли. На третьи сутки их обнаружила батальонная разведка целёхонькими, в новенькой укровской униформе, с полудюжиной автоматов, РПК⁴ и “шайтан-трубой”⁵ с десятком выстрелов.

В штабе Ведун сначала молча взирал на любопытствующих относительно формы и оружия, потом поскрёб грязным пальцем щетину и пробасил:

— Укры поделились.

В июле он вместе с Лешим-2 попал в засаду и полдня в насквозь прошитом пулями и осколками доме отстреливался, пока не выручили мурманчане, морпехи-отпускники, оказавшиеся неподалёку по случаю.

— С тех пор брат он мне, — говорит Леший-2 и с каким-то внутренним восхищением смотрит на молчащего Ведуну.

— Руины стреляли в упор, — делится своими познаниями кинематографа Ведун и ставит диск Высоцкого. Ну, а как иначе воевать без Владимира Семёновича, он здесь, с ними.

А ещё месяц назад он кувалдой три часа кряду крушил памятник в центре города, за что был прилюдно причислен новой властью к вандалам со всеми вытекающими последствиями.

— Зачем? — удивляюсь я

— Сатане поставили и поклоняются, — басит Ведун, поборник славянских Богов.

¹ “Граник” (сленг) — гранатомёт.

² “Весло” (сленг) — автомат.

³ Эргэдэшка — наступательная граната РГД-5.

⁴ РПК — 7,62 мм ручной пулемёт Калашникова.

⁵ РПГ — ручным противотанковым гранатомётом.

Представляю, как обнаженный по пояс Ведун с играющими мускулами на мощном торсе с хэканьем опускает кувалду, и куски бетона разлетаются вокруг. Эдакий луганский Евпатий Коловрат.

Ещё сутки назад министр обороны Олег Бугров не скрывал своего скепсиса: аэродрома и самолётов нет, есть лишь один разбитый ржавый хлам и ваша фантазия. В подтверждение он веером рассыпает по столу рапорта разведчиков. Бегло пробегаю взглядом: топопривязки нет, конкретики тоже.

— Они там не были, это всё лажа.

Олегу до фени, были они там или нет, у него дела поважнее. Послать бы нас по известному адресу, но надо соблюдать законы гостеприимства даже сквозь зубы, тем более это идея Марата, а отношение к нему просто благоговейное.

— Ладно, берите Македона и езжайте.

В тот день мы сделали невозможное, и всё благодаря капризам Марата и вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения. Был молниеносный бросок, мгновенно веером рассыпавшиеся бойцы, взятая в перекрестие прицелов дальняя лесопосадка, подконтрольная каждой пуле взлётка — всё по законам жанра. А ещё были лёгчики и техники, ключи, гайки, болты, солярка и привезенный бензин, сумасшедшая скорость сборки прямо на траве, опрокинутое в бездну неверие в удачу, взлёт, круг с выражами над полем, посадка и сорвавшее с тополей ворон и галок “Ура!”.

Марата пёрло: нервное напряжение отпускало, и на смену ему приходило безудержное веселье. Он сыпал шуточками, радостно похлопывал по плечу, и сияющее счастьем лицо в бисеринках пота расплывалось в широченной улыбке. Обожаю этого взрослого ребёнка, хотя в детстве его, наверное, баловали, а надо было пороть.

Нас распирала гордость — теперь у ополчения будет своя авиация, во всяком случае, к вечеру один “Як” уже поднялся в воздух, а завтра к утру очередь за вторым. Поставить бы ещё на крыло реактивный чешский и старую добрую “аннушку”, но времени в обрез: надо сматываться, а то до темноты не доберёмся, да бандерлоги наверняка уже пронюхали о нас, благо ушей и глаз у них хватает.

Мы сделали своё дело и уходили, но оставалась команда Македона: охрана, лёгчики, техники: их имён на случай помолиться за них не спрашивали — не принято. Оставались на заклятие, на верную гибель, собою прикрыв этот крохотный аэродром. Они должны были дать самолётам взлететь даже ценою своей жизни. Таковы законы войны и хочешь ли, или нет, но ты должен быть им верен, коль взял в руки оружие.

По пути завернули на базу в Макеевке. Затюканный Сармат — комендант базы, волоча раненую ногу, кого-то тоскливо материл, одновременно кого-то куда-то посылал, наставлял, внушал. Из влетевшего и с визгом затормозившего джипа вылез Сочи — командир базы. Переглядываемся с Маратом — ну, точно наёмник из Эль-Нусры: кепи с длинным козырьком, стильные тёмные очки, лицо в обрамлении тщательно подправленной бородки, шею небрежно охватывает арафатка, песочного цвета куртка и брюки с множеством карманов, заправленные в длинные шнурованные берцы, на боку в кобуре “стечкин”. Имидж продуман до мелочей и должен создавать образ мужественного и безжалостного борца с врагом, но всё портят появившиеся из шикарного белого “лэндкрюзера” два не страдающих истощением кавказца и ярко покрашенная блондинка с капризными манерами. Сочи сразу судлся и засеменял к ним, всем своим видом желая спросить: “Чего изволите?”

На территорию влетает бэха¹, крутит юлой, вздымая пыль, сдаёт задом под навес и замирает. С брони прыгивают один в тельнике и чёрном омовском берете, второй в камуфляже и тапках на босу ногу, третий в пузырящемся на коленях трико и кожаной куртке на голое тело. Тот, что в камуфляже, подходит к нам, останавливается, смотрит, по-птичьи нагнув голову.

— Ара, ты, что ли? — Марат разводит руки, приглашая в объятия. Следом обнимаются Дима и Пух.

То, что это безбашенный Ара, я увидел раньше, но лучше не видеть его ещё лет сто. Ара протягивает руку — помнит, сучонок, что обещал его при-

¹ Бэха (сленг) — БМП (боевая машина пехоты).

стрелить при случае, поэтому на лице блуждает виноватая улыбка. Ладно, чего уж там, считай, прощён и всё забыто.

Серёга, Саха, Дима и Пух уже сканировали базу и её обитателей:

— Саньч, это банда, беспредельщики, местные стонут. К Бесу база отошла совсем недавно, и тот ещё не зачистил их. Левые они какие-то. От добровольцев стараются избавиться, наших почти нет. Вон только тот, небритый, подполковник из Новочеркасска, бывший замкомдива по строевой, да пацаня у стола.

Сармат зовёт перекусить:

— Довольствие ни в орган, ни в Красную армию, — сетует он. — Я здесь всего неделю, после ранения назначили. Не моё это, лучше на передовую.

Достаёт мобильник, показывает фото:

— Это моя подруга. Сейчас в Москве, в клубе танцует. Любит меня и ждёт. Говорит, вернётся, как только мы победим.

В голосе сомнения и тоска — сам не верит тому, что говорит. На фото изогнулась в типичной позе фотомодели девица с накачанными губами и ярким макияжем. Да, Сармат, влип ты, парень, по самое никуда, раз тоскуешь по такой... Стоп, вот это уже не моё дело.

Сармат прячет телефон:

— Идите ешьте, — и торопится, на ходу кого-то ругая, в дальний конец двора.

Девчонки на раздаче искоса бросают любопытные взгляды и стараются зачерпнуть с самого дна — там погуще будет. Димка окунает ложку в коричневое варево, надеясь найти там ещё хоть что-либо, кроме воды, но тщетно:

— Носки Сармата варились, по запаху чую, — он морщит нос, но всё-таки начинает есть.

Скоростное употребление жидкой похлёбки с ломтем хлеба зрелище не эстетичное, зато время экономит. Успеваю в санчасти вколоть ампулу обезболивающего — боль вкручивалась сверлом, подавляя все желания, оставляем Македона и торопимся домой.

Уже в сумерках выскочили к блокпосту у Снежного. Натянутая тетивой дорога резко обрывалась у сложенных в два ряда бетонных блоков, из-за которых выскочил ополченец, размахивая руками:

— Стой! Стой! Бронетехника, колонна, укры прорвались, — на одном выдохе вполголоса кричит он, с затаённой надеждой смотря на нас. Подспорье в почти два десятка стволов для него весьма кстати.

Внутри обдало холодом и заломило зубы: только этого не хватало для полного счастья. Голый асфальт в выщерблинах шириной в семь метров, пологие откосы обочин, наверняка в растяхках, густо переплетённая порослью посадка и тоже наверняка с сюрпризами. Радует, что впереди видимость метров на триста, днём, конечно, но и сзади столько же открытой дороги: тир, да и только. Вот попали, так попали! Можно, конечно, развернуться и уйти в Донецк, благо ещё недалеко, но оставлять ополченцев одних просто свинство.

Высыпавшие из машин ребята инстинктивно сбились в кучу, вглядываясь в темноту. “Не хватало, чтобы одной очередью всех пересчитали”, — мелькает в голове, но не кричу, а жёстко и негромко:

— Что жмётесь, как педики, быстро рассыпались. Пух, к блокам — держи сектор слева. Ведун, твой фланг справа. Дима, давай вперёд с Серёгой, твои траки и башня, но только не по касательной. Жень, разворачивай “форда”, ставь поперёк — авось прикроет, когда метелить назад будем. — Саха говорить ничего не надо — он уже удобно устроился за блоком.

Подзываю Дока:

— Твоя задача при любом раскладе вытащить Марата. Если что — уходи без нас.

Док сибирик, немногословен, уже воевал, хотя едва за двадцать. За день успел к нему присмотреться, поэтому Марата отдаю ему, не задумываясь.

Сумерки загустели внезапно, звезды россыпью сыпанули до самого горизонта, луна с завидной скоростью вскарабкалась как раз над блокпостом, предательски высветив распластавшихся на асфальте ребят. Каждая клеточка тела впитывала навалившуюся ночь, выцеживая звуки, вычленивая несущие опасность.

Старший блокпоста жмётся рядом, но особого волнения не показывает:

— У тебя сколько? — спрашиваю негромко и почти ему в ухо.

— Вообще-то четверо, но сейчас двое. Один заболел, домой отпустил, а второй в село за жратвой подался. Девка там у него, затосковал совсем.

На душе хреново: жалко ребят, заложники предательства или пофигизма, но разбираться некогда.

— Обочины, конечно, в “растяжках”?

— Ага.

— Идиоты. А в глубину вдоль дороги?

— Метров сто.

— Дебилы.

Ополченец согласно пожимает плечами: теперь до него доходит, что он не обезопасил себя, а загнал в капкан. Ну, как их ещё назвать? Остаётся отвесить затрещину в это стерильное от мыслей чело, но что это даст? Если там бээмпэшки, то минут на десять активной фазы нас хватит, а потом перемешают с ошмётками травы и щёбёнкой. Ну, а если танки, то... Вот про танки лучше не надо, заупокают за милую душу, думать не хочется. Ну, за что такая немилость? Такое утро хорошее, день выдался, что надо... день... день рождения... Стоп! День рождения? Так сегодня же день рождения! Мой! Господи, ну, зачем же в этот-то день?! Господи, спаси и сохрани!

Минуты ожидания тягостны, успеваешь передумать, переосмыслить и раскаяться — жил не всегда праведно, больше не буду. Конечно не будешь, потому как пошли отсчитывать твои последние минутки... Тьфу, это же надо, такие паскудные мысли в голову лезут.

Зуммер мобильного взрывает тишину: отбой, колонна ушла в степь. Может, её и не было вовсе? А то сразу: “Больше не буду! Больше не буду!”. Не успели напугаться, а сразу каяться. Детский сад, да и только.

На базе никто не ужинал: ждали нас. Кама с Джексонем и Малым накрыли роскошный стол: макароны с тушёнкой, ломти белого хлеба, сало, солёные огурцы. Замелькали ложки, захрустели огурцы: мужики здоровые, одной похлёбкой сыт не будешь, да и когда это было.

Появившемуся Дэну освобождает место, но он направляется ко мне, достаёт из-за борта куртки нож в чехле и торжественно протягивает:

— С днём рождения!

Дэн москвич, пришёл ещё в апреле, да так и остался в военной полиции. Он разведчик, поэтому не удивляюсь, что он каким-то неведомым образом узнал о дне рождения.

Ложки дружно звякнули, ладони изобразили нечто вроде долгих и продолжительных, Захар, командир подразделения, что-то шепнул Багире, и через минуту на столе уже коньяк, водка и вино. Невиданное дело: командир отменил сухой закон, правда, только на эту ночь.

Уже далеко за полночь, давно всё съедено и выпито, и гуляет от Джексона к Петровичу гитара. Марат ставит камеру — исторические съёмки! Такого праздника ещё не было — душевно и трогательно до слёз.

Сентиментальность — это уже возрастное, пора баньки. Осторожно выбираюсь из-за стола, проскальзываю в свою комнату, быстро раздеваюсь и ныряю под одеяло. Боже мой, какое же это блаженство! Снять берцы, коснуться прохлады простыни, вытянуться до хруста... Мысль угасает, путается, и сон медленно обволакивает сознание.

Просышался тяжело и нехотя. Но вставать надо, чёрт побери Марата и всех его татарских предков — этот потомок древних мурз решил выезжать с рассветом. Сон держал, не выпускал, но мысль уже ввинчивалась в мозг, борясь с желанием ещё хоть минуточку понежиться. Понежиться — это слишком громко сказано: в комнате холодно и сыро, тонкое солдатское одеяло совсем не греет и, лишь вжимаясь спиной в тонкий матрас, сохраняешь молекулы тепла.

Выползаю из-под одеяла, шарю по холодному полу босыми ступнями в поисках берц, нащупываю, сую в них ноги и лишь тогда размыкаю веки. Тёмный плотный, насыщенный по углам комнаты. Стараюсь не разбудить Саню, но тот уже заворочался и сонно бормочет: может, всё-таки возьмёшь? Саня из местных, хотя и живёт в Москве, парень надёжный, но в перделке ещё не был, а начинать с нами не стоит: первый бой может оказаться последним.

— Спи, — я ещё с вечера отобрал грушу не для утренних дискуссий.

Бужу ребят, сам выхожу во двор... Уже сереет, изморозь растеклась по траве, а лужицы подёрнуты ледком. В бочке вода обжигающе ледяная, но всё равно раздеваюсь догола, обливаюсь, охая, растираюсь. По спине волнами ходит дрожь, но одеваться не спешу, тщательно чищу зубы, бреюсь. Дрожь уходит, тело полыхает жаром, и мышцы наливаются силой.

Чайник уже согрет — подсуетился Седой. Его с собою взял я — затосковал мужик совсем в Белгороде. Он из-под Луганска, там сейчас “Айдар”, так что дома будет нескоро.

Достаю шприц — обезболивающее на дорожку не помешает. Марат порывается сам сделать укол, но вежливо посылаю его и бужу Джексона — шприцом он владеет виртуозно, впрочем, как и ножом.

Уже рассвело, но солнца ещё нет. Зябко. Нашей машины нет и вчерашнего водилы тоже нет — где-то затаился, сурок, и дрыхнет. Командир базы подзывает молодого парня:

— Бери мой “уазик” и с ними.

У машины мается Саня — надеется, что возьму. Из-за угла показывается Пух в полной экипировке: противоосколочные очки, наколенники и налокотники, разгрузка с торчащими отовсюду магазинами. Ну, как не съехидничать:

— Никак, на войну, родимый?

Из-за тента высовывается грустная физиономия Седого. Сговорились, черти, понимают, что на этот раз всё может быть по-взрослому, взял бы, да мест нет.

Едем сначала к Лешему — взять вторую машину и заодно заправиться, но в батальоне проблема — нет горючки. На воротах склада ГСМ картонка с красноречивой надписью. “Бензина ни х... нет”. Ниже кто-то дописал: “А ты, сука, найди!”. Диалог затеяли, ребятки, резвятся, значит не всё потеряно. Фотографирую на память.

У Олега спозаранку совещание. Торопливо пробегает Бэтмен¹, сует руку:

— Ну, вы вчера и дали! Молотки! Мои ребята самолёт зацеловали, как девку.

— Не помяли? — откликается Марат.

— Да нет, — смеётся Бэтмен.

Бугрова вытаскиваю из-за стола в коридор, зажимаю в угол. Клянётся и божится, что горючки нет, но всё-таки по полбака на каждую машину выцганили.

У англичан ланч, а у нас опять аэродром — каприз Марата, хотя ещё раз светиться там было совсем ни к чему. За ночь мужики собрали ещё один, остальные обещают к вечеру. Марат каночит: хоть бы разок взлететь, мечта детства. Мы возражаем: мечта полетать может воплотиться на обратном пути, когда заложат мину, если вовремя не уберёмся, но Марата уже понесло. Нелестно отзываюсь о нём, о его генетической склонности к тирании и косоглазых предках, кабаливших Русь почти триста лет, но всё как в пропасть — он уже лезет в кабину. Лётчика умоляю: только один круг. Марат самоубийца: без парашюта, движок собран на траве, сам “Як” древнее египетских пирамид! Но разве его остановишь?

Самолёт сначала дрожит, словно в нетерпении, потом, переваливаясь на кочках — эдакий увалень — катит к взлётке, замирает, двигатель ревёт, разгон, и вот уже наш профессор возносится в небо. Круг, ещё один, вираж, пике, горка, на бреющем проходит на разворот. Я машу автоматом: сажай, мать твою, иначе сам приземлю вот из этой штуки. Возымело. Садятся. Рожжа Марата лоснится от счастья. Въехать бы ему от всей души прикладом, но я его обожаю: разве можно на него обижаться?

К полудню опять на седьмой базе Беса. Затюканный Сармат в шлёпанцах на босу ногу хватается за голову, как только прошу проводника до Горловки.

— Ну, где я тебе возьму проводника? У меня людей нет, все на задании.

По двору слоняются заспанные небритые тени с автоматами, на бэхе развалились бугай в тельнике — отдыхает, родимый, ещё двое дразнят овчарку в вольере, — какая-никакая, а всё же забава.

¹ Беднов Александр Александрович, погиб 1.01.2015.

— Саньч, поехали отсюда, иначе я всю эту шайку одной очередью пересчитаю, — Серёга свирепеет от такого бардака.

Неожиданно вырастает Дед и снимает головную боль с Сармата:

— Да чего там, давай я отвезу.

Знать бы, что Дед ряженный, что за нас уже заплачено и его задача лишь вывести нас на засаду — не стал бы мешать Серёге покрошить этих клоунов.

Устраиваюсь на заднем сиденье и погружаюсь в полудрёму: третьи сутки сна урывками сказываются, к тому же опять невыносимо ломит плечо. По обрывкам фраз понимаю, что за рулём Дед, но почему? Впрочем, наверное, так надо.

“Тойота” ходко бежит по вполне приличному шоссе. Слева погромыхивает в аэропорту — рукой подать, справа окраина Ясиноватой — разбитый ДК, расстрелянные дома, поваленные столбы. Дальше только воронки и зелёнка — вещь неприятная. Ещё какой-то смешной блокпост: несколько блоков, трое бойцов с любопытством провожают нас взглядом, но не останавливают. Дорога плавно входит в поворот и ныряет вниз. Марат водит камерой — надо всё успеть снять.

В самом низу спуска блокпост с развевающимся жёлто-голубым флагом. Справа на мачте ещё один жовто-блакитный.

— Это что, укры? — сквозь дремоту доносится Маратов голос, и сон слетает мгновенно.

Дед молча давит на газ и втягивает голову в плечи. Сзади отчаянно сигналит “уазик”, но разворачиваться поздно: разметелят очередями в пух. Мысль лихорадочно ищет выход, а Марат продолжает снимать: ну и нервы у этого профессора.

У поста Дед начинает притормаживать, но Ведун щёлкает затвором:

— Гони, — сквозь зубы цедит он.

Машинально фиксирую: нацик махнул рукой, требуя остановиться, вскидывает автомат, рука скользит к затвору, из лабиринта блоков выныривает второй с РПК, слева видна какая-то база, забитая бэтэрами и бэ-эмпэшками.

Ведун стволом сверлит спину Деда, и тот наконец-то давит на газ. Машина рывком прыгает вперёд и несётся сломя голову. Мелькает: хоть бы ребята развернулись и ушли.

Несколько коротких очередей заглушают рёв двигателя. Неужто наших? Оборачиваюсь — нет, это ребята “сносят” укров: тот, что останавливал, бросив автомат, на карачках ужом вьётся за угол поста, пулемётчика не видно вовсе, лишь пулемёт с задранными вверх сошками сиротливо лежит на асфальте, несколько нациков рысью уходят к базе. Потом Серёга скажет, что били поверх голов, лишь бы распластать их и не дать прицелиться.

— Ты куда, сука, завёл? — тычу “сучкой”¹ в шею Деду.

— Я не знаю, я этой дороге не знаю, — лепечет он.

— Сворачивай в посадку, — Марат откладывает камеру и тянет на колени автомат. Он спокоен, он до бешенства спокоен и даже улыбается в предвкушении экшна. Отморозок конченный, этот профессор.

Стрелка спидометра ложится вправо, десяток километров — и мы ныряем справа в кусты и россышью из машины, залегая вдоль дороги. Торопливо обшаривая карманы, достаю бумаги и рву на мелкие части. Следующая очередь флэшкарты.

Оглядываюсь: Ведун сдирает пропуска с ветрового стекла, Серёга — локоть на колене, цевьё крепко обхвачено, палец правой — на спусковом, глаза прищурены. Красавец! Вообще мои белгородцы достойны восхищения, не зря отбирал штучно: что Серёга, что Саха, что Дима. Серёга профи в разведке, поэтому посылаю его на ту сторону посадки. Саха молча исчезает — уже обозначил свой сектор справа, прикрыв фланг. Дима заряжает “граник” и улыбается, гад — счастлив, как и Марат, от предчувствия боя:

— Саньч, лепота, классный замес должен получиться.

Тоже мне, хлебопёк, нам бы из этого замеса каравай бы испечь, не по-

¹ “Сучка” (сленг) — АКСУ, 5,45 мм автомат Калашникова.

давиться. Серёга возвращаются с нерадостной вестью — через поле в сторону Донецка не выйти: артсистемы, капониры, танки.

— Аккумуляторы из мобильников долой, — команду отрывисто и резко: пожалуй, это единственная команда, отданная за всё время.

Дед неожиданно подхватывается, прыгает за руль нашей “тойоты”, машина срывается с места и скрывается за поворотом. Упустили гада. Серёга аж застонал от злости: попадись к нему Дед — не сдобровать. Марат что-то наговаривает в камеру, делает дубль — вот клоун, всё ему нипочём. Тут с жизнью пора попрощаться, а он озабочен выразительностью кадра. Закончив, советует:

— Брось аппарат и треногу.

— Ну, уж нет, фотоаппарат студийный, а тренога вообще трофейная и крайне дефицитная.

Принимаем решение: уходить в тылы к укрсам, там наверняка искать не будут. Быстро забрасываю треногу на левое плечо, фотоаппарат за спину, “сучку” наперевес. Тело — сжатая пружина, трасса пуста, отмашка, рывок, и вот мы уже вламываемся в кустарник на той стороне и сразу же падаем: слева нарастает гул двигателя. Хорошо, что посадки никогда не чистили, так что полтора десятка метров прошагав чащобы весьма кстати.

Меньше полусотни метров бега, а дыхание перехватило, сердце бьётся пойманной в силки птицей, и мечется мушка в прицеле. Вдох, выдох. Ещё вдох, задержка дыхания и медленный выдох — надо выровнять дыхание, иначе все пули уйдут в небо, как в копеечку. Жажда сушит нёбо, слюна не слглатывается, да её почти и нет, и язык шершаво ворочается, комкается слова.

Из-за поворота показывается “бусик”, тормозит метрах в двухстах, к нему выскакивает Дед, что-то говорит и тычет рукой туда, где теперь сиротливо стоит наш “уазик”. “Бусик” трогается, медленно проползает мимо: десятка полтора нациков щупают взглядами заросли посадки. Поздно, хлопцы, нас там уже нет. “Бус” скрывается за поворотом и минут через пять возвращается, но уже в сопровождении армейского “КамАЗа”, битом набитого нацгвардией. Да, парни, вы совсем охренели — почти сотня против восьмерых.

Дима ведёт стволом за фургонем — умница, мочи фугасом, а мы автоматами стрижечку под ноль сбояем. Видны затылки, торчащие в окна стволы, даже водила вытянул шею, высматривая нас. “Не останавливайся, — мысленно прошу его, — иначе конец вам”. Машины не останавливаются, увеличивают скорость и уходят. Этот бой мы уже выиграли — они боятся! Это уже радует, но и огорчает: значит, пошли за подмогой. Надо уходить, но сначала Деда выпечить.

Жека и Серёга уходят вперёд, осторожно двигаемся следом, но сухойстой хрустит и ломается, словно стадо слонов идёт по жести. Минут через пять хлещет выстрел: “Влипши? Хотя нет, выстрел один, если бы напоролись, тогда бы гасили очередями. Скорее случайность”. Так и есть: нечаянно сучок зацепился за спуск, хорошо, что флажок поставлен на одиночный. Деда в машине не оказалось, зато нашли бутылку воды. Живём, братцы!

С полкилометра ломим через кусты, не обращая внимания на снующие справа машины: нас всё равно не видно, лишь бы засаду не догадались выставить. Решаем через поле махнуть вон в тот лесочек. Выбор не ахти, метров триста голых зеленей, справа в полукилометре посадка или лес. Хорошо, если там никого нет, а если? Но надо идти. Ведун и Серёга первые, я за ними, следом Марат, остальные прикрывают. Дистанция двадцать метров, вперёд!

Жизнь прожить — не поле перейти. Но иногда и поле перейти сложнее, чем жизнь прожить. Всё вспомнишь, покаешься, зарок Богу успеешь дать.

— Господи, спаси и сохрани, Господи... — шепчут губы, а взгляд рыскает справа налево от лесочка до посадки и обратно. — Спаси и сохрани, спаси и сохрани...

Идём неторопливо, держим дистанцию, палец на спуске. Всего-то три сотни метров, но как же это много! Озимые словно зелёный ворс ковра. Плотные, изумрудные, шелковистые. Быть урожаю, если дадут убрать... Господи, о чём думаем? Нам бы живыми выбраться...

Лесок оказался садом на берегу озера, за которым теснились дачи. Просёлочек петлёю ныряет к причалу: пару катеров на привязи, одна лодка распласталась на берегу дном вверх. Рядом двое, уже в годах: один хмуро смотрит

исподлобья, гадая, кто мы, второй пьяненький, видно, в рабочих или от скуки забрёл, мелет всякую чепуху и толком на вопросы не отвечает. Серёга быстро оплеухами развязывает ему язык: нацгвардии на дачах нет, но в округе набито под завязку, в Скотовахе пехота, дальше в Верхнем Тореце бронетехника. В Дзержинске тоже навалом и техники, и артсистем. В Васильевке мехбригада, в Авдеевке “грады”. Поля в минах. Короче, сдавайтесь.

Серёга отвечает ещё одного “леща”, хлётко и звонко: говори, дядя, да не заговаривайся. Его мы забираем с собою проводником. Дима шутит: один завёз, второй заведёт. Марат ворчит, но так, за компанию:

— Ага, Сусанина нам только и не хватает.

— Нет, ребятки, это Моисей, — не остаюсь безучастным и я.

У того, что остался, Серёга достаёт из мобильника сим-карту и аккумулятор, предупреждает:

— Не нравишься ты мне, дядя, по закону разведки не жилец ты, но греха на душу брать не будем. За эти цапки не волнуйся, вернём приятелю твоему. Смотри, если что — из-под земли достану.

Он достанет, если живыми выберемся, какие сомнения. Серёга крут, характерный, поэтому по-доброму говорю:

— Не надо греха на душу, не отмолимся.

— Ступайте с Богом, — хмуро произносит мужик и отворачивается.

Может, Серёга прав: всё-таки восемь жизней против одной? А что я знаю про его жизнь? Ну, не рад нам, так что из этого? Может, есть причина. Может, у него жена больная, у дочки счастья нет, с внуками проблема? Не мы жизнь ему дали, не нам её и забирать.

Проводник периодически получает от Серёги оплеухи, приобретает нужную скорость и способность соображать. Память восстановлена, понимание тоже: в случае засады с ним разберутся так же, как с нами, поэтому в его интересах пройти незамеченными.

Наш просёлок упирается в разбитый асфальт: справа какие-то фермы, напротив элеватор метрах в двухстах и снова поле. Пока решаем, что делать дальше, как на поле из-за элеватора вырывается “Урал”, из кузова неуклюже прыгают солдаты, растягиваются цепью и стоят истуканами. Обозначились и то хорошо, жить тоже хочется. Везёт же нам пока на ценителей жизни!

Отползаем, перебежками обходим фермы — затеряться бы песчинкой в этом мироздании, раствориться, да не получается. Марат трогает за рукав:

— Пятый час идём...

Неужели пятый? Время-то как летит... Надо привал минут на пять, водички бы... С утра маковой росинки не было во рту, но голод не подкатывает тошнотой, не урчит предательски живот — ещё тот троглодит, живущий сам по себе по своим законам сытости.

Тропа петляет по балке — справа речушка с раскидистыми ивами, слева довольно круто уходящий вверх склон, карабкается по нему, жмётся к терновнику и выводит прямо к летнему базу с миномётной позиций укров, слава Богу, бывшей. В загоне понуро стоят овцы, мычит корова — время доить, по двору копошатся куры и утки, у порога мазанки лежит овчарка — видно, привыкла к людям — оружием, не лает, лишь сторожко поводит глазом в ожидании команды хозяина. Сельская пастораль, не хватает только пастушки для полной картины.

Хозяину едва ли двадцать, одет бедно, варит на костре похлёбку — жидковата, одна крупа. Вообще-то он не хозяин — хозяин в Дзержинске. Он здесь лишь бережёт чужое добро да смотрит за скотом. Денег не даёт, но зато кормит. Почему не ушел в ополчение? Не понятно, за что воюют. Он настрожен — время лихое, и эти невзгоды откуда взявшиеся люди в камуфляже могут и беду принести. Расспрашиваем, отвечает: в селе нацгвардия, иногда навевается, неделю назад была здесь их батарея, но теперь ушли ближе к Донецку. Скотоваха осталась слева — слава Богу, обошли, а вот Верхний Торец как раз поперёк пути. Вправо лучше не соваться — до Дзержинска рукой подать, там мехбригада и вообще войск полно. Торец не обойти, надо через село, но за ним минные поля.

Информация почти та же, что и у проводника, значит, не врёт.

У нас нет карты, нет компаса, нет бинокля — вся надежда на память:

до войны мотался здесь часто, но это общее представление. Парень соглашается вести нас дальше, только просит взять с собою собаку — Лизой зовут, умная, чужого чует за версту.

Серёга шепчет мне на ухо:

— Этого клоуна надо кончать, оставлять нельзя, сдаст, — и показывает на нашего проводника.

Мужичок уже давно пришёл в себя, проникся важностью и даже пытался давать советы, но Серёга пресекал их ставшими традиционными оплеухами, поэтому он жмётся ко мне: всё-таки защита. Иногда философствует: война — дело молодых, а нам, старикам, давно по домам сидеть надо. Это он на мой возраст намекает.

— Тебе сколько? — спрашиваю.

— Полтинник разменял, да и тебе, небось, не меньше. Наверное, и дети есть? Сидел бы ты дома...

— Да поболее будет, только война — дело, всё-таки, совести, а не молодых, — замечаю я. — Дети, говоришь? Внуки у меня уже, трое. И вот что-бы они никогда в руки оружия не брали, надо нам эту нечисть выжечь под корень. У тебя в роду воевавшие есть?

— А как же, дед Вену освобождал, дядя в пехоте всю войну пропахали...

— А что ж ты, паскудник, родню предал? Ты же на их могилы, стервец, нагадил.

— Старый я воевать, да и не умею, — оправдывается проводник.

— А я молодой? Самогонку ты жрать умеешь, а воевать — нет. Бери лопату, окопы копай, раненым горшки подноси, но делай же что-нибудь!

Мужичок задумался и больше с разговорами не лезет.

А вот теперь надо принимать решение. Своей жизнью распоряжаться легче, чем чужой, даже такой никчёмной, как этого чудака. Серёга прав: чем меньше свидетелей, тем больше шансов выжить. Но потом как жить-то? И этого парня с собакой Лизой что, тоже? А ведь дали слово отпустить...

Дима трогает за плечо:

— Давай ему денег дадим, ничего он не скажет.

Ребят догоняем уже далеко за базом. Впереди Лиза — красивая, поджарая, настоящая немка, следом хозяин, рядом Серёга и цепочкой, след в след, вытянулись остальные. Серёга молчит, потом пытливо смотрит на меня:

— Ну что?

Молчу, говорить совсем не хочется. Дима смотрит вдаль:

— Отпустили мы его. Дали денег и отпустили.

— Ну, вот и ладненько, а то на душе что-то погано стало, — плотно сжатые губы Серёги трогает улыбка.

— А когда же тебе, гуманист, погано стало: когда советовал мужика убрать или сейчас?

— Да ладно, не шуми, я же знал, что ты отпустишь, — Серёга обнимает своими лапшицами наши с Димкой плечи. — А жить всё-таки чертовски хочется!

Мы уходили в ночь, надеясь встретить рассвет. И чертовски хочется жить — обидно сгинуть в безвестности и чтобы враги потом придумывали всякие небылицы про твою смерть, а родные терялись в неведении и ждали...

У села наткнулись на протоку — неширокая, но воды по грудь, а дальше хлябь, заросшая тростником. Помогаю парню перетащить его Лизу — это же надо, сами мокрые и грязные, каждую секунду в ожидании очереди, а собаку всё равно жалко.

Перед дорогой залегли, всматриваемся, слушаем тишину. Вот проскочила БМП, и опять всё стихло. Со стороны трассы прошли три грузовика и один тягач. Опять БМП. Засаекаем: интервал минут в шесть, значит перескочить дорогу можно. Подзываю Диму:

— У тебя гривны остались?

— Никак в кабак собрался? — шутит он, протягивая смятые бумажки. Отдаю их проводнику и жму на прощание руку: — Возьми и спасибо за помощь. Не говори никому, что с нами был — нацики не погладят по головке.

— Знаю. Там, за селом, говорят, все поля заминированы, — он мнётся, вздыхает и уходит в ночь.

Идти по минам не хочется, но сплошняком ими поле засеять — из области фантастики. Теньями проскальзываем через дорогу, оставляем дома справа и слева и замираем перед подсолнечником: проклятые былки, шуршат жестью украм на руку.

Дверь в соседнем доме распахивается, в пятне света появляется тощая фигура в майке и трусах с автоматом в руках. Пошатываясь, он мочится с крыльца, затем даёт в небо очередь трассерами, довольно хмыкает и скрывается за дверью.

— А если бы нужду по-большому справил, чем бы, интересно, салютовал? — у Сахи чешутся руки. Невольно смеемся, представив картину облегчения укра.

Луна успела нырнуть за тучи, идём в полной темноте и напарываемся на изгородь — околица какого-то хутора. С Сахой осторожно крадемся вдоль сетки, едва различимы контуры танков, дом с чёрными глазами окон, тишина. Спят, суслики, сейчас бы их тёплыми спеленать...

— А у меня дед за эти места орден Красной Звезды получил. В сорок третьем, зимой, в разведке, а теперь вот и я... А ты знаешь, мне ничего не надо, мечтал только о таком же ордене, как у деда. Теперь таких нет, за Грозный орден дали, но это уже не то. А деда тогда под каким-то хутором ранили — “языка” вытаскивали и на немцев напоролись. Может, это тот самый хутор, а?

Может, всё может, друг мой Саха, вот и нам пришлось землю предков отстаивать. Кто думал, что через столько лет будем таиться, пробираясь к своим. А они даже часовых не выставили, не пуганые пока, эти хозяева нового орднунга. Ничего, придёт время, и будете вы по лесам своим шариться, а уж мы постараемся вогнать вас в землю навсегда.

Возвращаемся обратно. Ребята вповалку лежат на мокрой траве, сбившись в кучу и прижавшись спинами — так теплее, но дрожь всё равно бьёт и кажется, что тело корчится в судорогах. Устраиваюсь рядом, ворочаюсь: холод пробирает до костей, свитер отдал Коту — в одной футболке парень, а мокрые тельник и “горка” вытягивают остатки тепла. Марат обнимает, прижимает к себе — вот и надёжное плечо друга, что ещё сказать. Лежим, дрожа, минут десять, потом встаём — что толку, всё равно не согреться, только полночь и надо затемно выбраться хотя бы к железке.

Под утро пройдёт дождь — короткий, переходящий в нудную морось, но размокшая глина пудами нависнет на берцах. В рассветном тумане наткнёмся на крутой овраг с острым запахом карболки: из-под осевшей земли проглядывали контуры людских тел. Кто это? Может, солдаты украинской армии, расстрелянные нациками за отказ воевать? Может, местные, чем-то не угодившие фашистам? Придёт время, и будет у “освободителей” свой Нюрнберг. Напоремся на бэтэры и бэхи, обойдём гаубицы и танки — спасибо солнышку и отблеску триплексов, и совсем рядом услышим тихий западенский говор, и ноздри с наслаждением будут втягивать этот сладкий запах сигаретного дыма.

Обойти бы засаду, да велик соблазн: капитана, сержанта и снайпера из седьмого хмельницкого полка спецназа взяли тихо. Они выложат всё, что знают, торопливо и перебивая друг друга — так им хочется жить. Ну, что ж, право плена вы заработали, а заодно и поскатать на блокпосту, когда выберемся — вы же не москали, скачите, хлопцы, скачите. Потом дозвонимся маме мальчишки-снайпера, и она заберёт его, а вот оставшихся ознакомим с творениям рук их сослуживцев — проведём по улицам, покажем снимки и видео, и у них наступит отрезвление.

В обед выйдем к трассе, в густом подросте переждём барражирующих “Ми-24”, Кот прикопает “броник” — вторые сутки таскать его стало невмоготу, на глазах ошалевших от нашей наглости нацвардейцев перейдём шоссе, по нейтралке двинем уже в рост, не таясь — здесь уж прорвёмся, если что. Обидно, если наши примут нас за укров и положат, не спросив фамилии. Но всё это будет потом и мы выйдем, вопреки всему.

Уже на блокпосту подумалось: может, это дед Сахи, разведчик оттуда, из сорок третьего, вёл нас одному ему ведомыми тропами и вокруг постов, и по минному полю, и через растяжки, и кто-то уж очень крепко молился за нас. А эсбэушники поторопились сообщить о нашей гибели.

Русские мы, живучие, нас так просто не взять.